

Светлана Грибова

Брестский государственный технический университет

Вторая мировая война в источниках личного происхождения белорусских татар

К источникам личного происхождения в источниковедческой классификации принято причислять воспоминания, дневники, письма. Как самостоятельную разновидность документов личного происхождения выделяют устные исторические источники.

В источниках личного происхождения белорусских татар о Второй мировой войне отражены различные аспекты военного времени. Часть их сохранилось в виде неопубликованных архивных материалов, часть опубликовано в тематических научно-популярных изданиях в виде небольших очерков, представлены воспоминания белорусских татар в качестве военных мемуаров, а также литературно-художественных произведений. Стоит отметить и ценность имеющихся воспоминаний татар, записанных в ходе интервью с ними, с использованием метода «устной истории».

События Великой Отечественной войны определили целый исторический период в развитии духовной атмосферы общества, они очень сильно отразились в индивидуальном и массовом сознании всего населения страны. А источники личного происхождения, как самый интимный, и потому отличающийся высокой степенью психологической достоверности вид документов, наиболее ярко воплотили в себе черты этого сознания во всей его многогранности, сложности и противоречивости. В этом смысле особое значение имеют свидетельства писателей и поэтов – ветеранов Великой Отечествен-

ной войны. Их размышления о своем времени в литературных произведениях носят характер «обобщенной мемуаристики», так как художественно переосмыслив личный жизненный опыт, они выражают настроения большинства своих сверстников, соратников и друзей, фронтового поколения в целом. При этом, когда речь идет о событиях, пережитых самим автором и описываемых им какое-то время спустя, они придерживаются герменевтического «взгляда на прошлое из прошлого», из «того времени», о котором пишут, стараясь избегать несвойственных ему критериев и оценок¹.

В этом контексте нужно остановиться на таком представителе белорусских татар, как Александрович Степан Хусейнович – писатель, литературовед, критик, краевед, доктор филологических наук (1972), профессор (1974), заслуженный деятель культуры БССР (1984). Он родился 15 декабря 1921 года в семье копыльских татар. С 1929 г. по 1939 г. учился в средней школе № 1, в сентябре 1939 года поступил на филологический факультет БГУ. Однако в 1940 году был призван Копыльским военкоматом на службу в Красную Армию. В начале Великой Отечественной войны находился в Иране. 16 мая 1942 года он был ранен во время боя у старой крепости Эникале, а через неделю попал в плен. Оказался в лагере для военнопленных в Кривом Роге.

В августе 1942 г. С.Х. Александрович сбежал из концлагеря и после двухмесячных скитаний, пройдя Украину и Полесье, в д. Середняки под Слуцком упал с ног. Один человек сжалился над ним и привез едва живым в Копыль. Это было в октябре 1942 года. Тяжелые лагерные испытания и путь домой описаны им в практически документальной повести «Далёкія зарніцы».² Когда добрался до родных, как вспоминает С.Александрович в своей книге «Кнігі і людзі. Даследаванні, архіўныя знаходкі, успаміны, эсэ», «продолжались мучительные дни домашнего ареста. Из дома болезнь не выпускала (из лагеря принес процесс в легких), боялся и чужого взгляда. Весной 1943 года я окончательно перешел на легальное положение. К этому времени у меня уже наладились связи с партизанами, для которых отец изготавливал овчину...»³.

Интересный момент пребывания С.Х. Александровича в лагере также известен из воспоминаний. Мусульманская вера спасла его, когда один из ба-

¹ Е.С. Сенявская, Психология войны в XX веке. Исторический опыт России, М. 1999, с. 51–52.

² С. Александровіч, *Далёкія зарніцы*, Мінск 1967, 208 с.

³ С. Александровіч, *Кнігі і людзі. Даследаванні, архіўныя знаходкі, успаміны, эсэ*, Мінск 1976, с. 204. Текст в источнике представлен на белорусском языке, перевод на русский язык С. Грибовой.

рачных фюреров поставил его к стене, истерически выдыхая ему в лицо: «Иуда!!». Степан Хусейнович Александрович остался в живых, благодаря процитированному по памяти отрывку из Корана.⁴

На Копыльщине С.Х. Александрович участвовал в подполье и сотрудничал с партизанами. После войны был награжден орденом Отечественной войны II степени и орденом Славы III степени, медалями.

Свои воспоминания о событиях военных лет представили в виде мемуаров татары Ян Соболевский («Żołnierskie wspomnienia»⁵), Мустафа Абрамович («Droga mojego życia»⁶), Сулейман Мухарский («Niedokończona tatarska opowieść»⁷).

Ян Соболевский (1925 г.р.), уроженец д. Иваново, был мобилизован на фронт в июле 1944 г. В составе Красной Армии он принимал участие в различных сражениях, в том числе за Кёнигсберг, получил серьезные ранения. В своих мемуарах «Żołnierskie wspomnienia» он описывает фронтовую жизнь простого солдата, рассматривает войну как социальное явление, которое раскрывает в человеке его скрытые инстинкты и склонности, облегчает его познание в целом. Рассуждая о смерти, автор отмечает, что на войне она стала явлением обычным и массовым, но не перестала быть трагедией. «Солдатские воспоминания» Яна Соболевского не содержат рассказов о больших военных кампаниях, переломных событиях или выдающихся персонажах. Это повествование о пережитых трагических испытаниях, которые оставили отпечаток на всей дальнейшей жизни автора. Это также горькая рефлексия о роли личности в истории, которая редко способна повлиять на ее ход, так как история часто решает судьбы людей без их участия. Воспоминания повествуют не только о Я. Соболевском как о солдате – отважном и бравом, но, и как о человеке – о его впечатлениях, системе ценностей, любви и надежде, о вере в лучшие стороны человеческой природы, которые уцелели, несмотря на трагичные военные испытания⁸.

⁴ Я. Янушкевіч, *Ружы настаўніку (слова на ўспамін пра Сцяпана Александровіча)*, «Байрам» 1991, № 4, с. 19.

⁵ J. Sobolewski, *Żołnierskie wspomnienia (1435/1436 według kalendarza muzułmańskiego)*, Białystok 2014, с. 198.

⁶ M. Abramowicz, *Droga Mojego życia (1437/1438 według kalendarza muzułmańskiego)*, Wrocław 2016, с. 149.

⁷ S. Mucharski, *Niedokończona tatarska opowieść (1436/1437 według kalendarza muzułmańskiego)*, Wrocław 2015, с. 265.

⁸ J. Sobolewski, *Żołnierskie wspomnienia...*, op. cit.

Клецкий татарин Мустафа Абрамович (1916 г.р.) в своих мемуарах «*Droga mojego życia*» подробно описывает свой нелегкий жизненный путь, в том числе в военные годы. В детстве он много работал в сельском хозяйстве, посещал занятия по мусульманской религии в школе при мечети в Клецке. В 1937 г. был призван в армию, служил в 1 татарском эскадроне 13 полка Виленских уланов. Начало Второй мировой войны помешало ему закончить службу в армии. В сентябре 1939 г. попал в советский плен. Пришлось побывать в разных лагерях: в Козельске, в Кривом Роге, Старобельске. Автор в своих мемуарах описывает всю тяжесть этого периода своей жизни, лишения, труд, выживание. После создания армии под руководством В. Андерса он был направлен в ее ряды. В составе армии прошел Иран, Ирак, Палестину, Египет, где вместе с другими солдатами обучался военному делу, достиг Италии. Мустафа Абрамович делится своими впечатлениями от увиденных стран и городов. Особенно великолепным и исключительным для автора стал Иерусалим в Палестине. Никогда более ему не доводилось видеть ничего подобного. Этот город трех религий запал ему в душу и запомнился на всю жизнь. В своих мемуарах автор вспоминает: будучи в Италии, у врага была хорошая возможность нанести удар по ним с воздуха, но никто не боялся немецких бомбардировщиков, так как все точно знали, что свои самолеты день и ночь охраняют их и не позволят приблизиться врагу. Автор проводит параллель с 1939 годом, когда немцы атаковали с воздуха, и никто ничего не мог сделать. В составе 2-го польского корпуса на западе Мустафа Абрамович принимал участие в Итальянской кампании и взятии Монте-Кассино. Имеет боевые награды⁹.

Таким образом, мемуары – это особый вид письменных исторических источников, отражающих понимание автором прошедшей действительности и его историческое самосознание, опирающееся на его общественные взгляды и политическую позицию. Мемуары отражают общественную активность людей прошлого, стремившихся запечатлеть события так, как они их восприняли и оценили. Создавая мемуары, их авторы не только фиксировали информацию о событиях, участниками или свидетелями которых они были, но и оставляли потомкам специфический письменный памятник прошлого, позволяющий изучать и обстановку в обществе в целом, и духовный мир отдельных индивидуумов, составляющих этот социум.¹⁰

⁹ M. Abramowicz, *Droga Mojego życia...*, op. cit.

¹⁰ Н.Г. Георгиева, Мемуары как феномен культуры и исторический источник, «История России» 2012, № 1, с. 127.

Большой интерес представляют и воспоминания татар, участников Великой Отечественной войны, опубликованные в виде небольших очерков, отрывочных воспоминаний в тематических изданиях, журналах. Так, Таисия Яковлевна Якубовская (Николайчик) (1927 г.р.), которая до войны жила в Минске на улице Совхозной, 11 (возле Татарской улицы, где располагалась мечеть), оставила свои воспоминания на страницах ежеквартального журнала «Байрам». В 1940 г. ее родители умерли, а опекуном стал брат ее матери Асан Александрович, который ушел на фронт 24 июня 1941 г. и умер в первые дни войны. Она осталась одна. Как вспоминает Т.Я. Якубовская, с ноября 1942 г. она входила в состав подпольной группы Р.П. Духовниковой (участница минского подполья, связная партизанского отряда «За Родину» бригады имени М.В. Фрунзе Вилейского района с сентября 1941 г. по июль 1944 г. – С.Г.), которая жила по соседству и способствовала присоединению Т.Я. Якубовской к подпольной работе. В мае 1943 г. участники группы организовали побег 20 военнопленных и переправили их в партизанский отряд «За Родину». Из отряда получали листовки и сводки информбюро, которые затем распространяли.¹¹ Т.Я. Якубовская была официально признана в послевоенные годы связной партизанского отряда «За Родину» бригады имени М.В. Фрунзе Вилейской области (с 15 ноября 1942 г. по 3 июля 1944 г.). Кроме того, с зимы 1941–1942 до осени 1942 года в ее квартире находились женщина с девочкой еврейской национальности, которых попросил спрятать известный минский подпольщик Н.П. Дрозд (отец одноклассницы Т.Я. Якубовской Янины Дрозд). Из воспоминаний Т.Я. Якубовской известно, что у женщины были документы, свидетельствовавшие о том, что она русская. Таисия Яковлевна вспоминает: «Николай Прокопович говорил мне: “Мы ее пропишем, а если кто будет спрашивать – отвечай, что она – Елена Антоновна, а девочка – Шура, прописаны в городской управе, и откуда мне знать, что она и кто она”. Потом у Николая Прокоповича появилась возможность, и он переправил ее в партизанский отряд»¹².

Ряд воспоминаний белорусских татар о спасении евреев от уничтожения также размещены на страницах научно-популярных изданий. Так в небольшом очерке в журнале «Байрам» Анна (Айша) Сулеймановна Канапацкая-Трофимова (1926 г.р.) из Минска рассказывает о том, что они с матерью Фатимой Мустафовной Канапацкой (1891–1985) прятали у себя в течение года

¹¹ Т.Я. Нікалайчык, *Тое, што помніцца*, “Байрам” 1994, № 4, с. 63.

¹² Т.Я. Нікалайчык, *Тое, што помніцца...*, *op. cit.* Текст в источнике представлен на белорусском языке, перевод на русский язык С. Грибовой.

своего соседа Израиля Давидсона, сбежавшего из минского гетто, а также помогли выжить во время германской оккупации всей его семье¹³. Израильский Мемориальный музей памяти жертв и героев катастрофы европейского еврейства «Яд-Вашем» (Иерусалим) в декабре 2003 г. присвоил им звание «Праведников народов мира». Воспоминаниями своей матери, ивьевской татарки, Айшы Шабанович (1912–1977) о спасении ею троих еврейских парней, за которыми гнались гитлеровцы, делится Муфтий Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь Абу-Бекир Шабанович (1939 г.р.) в очерке, размещенном в книге “Лехаим, татары”, посвященной дружбе двух народов¹⁴.

Избирательность памяти почти всегда закрепляет то, что вызвало когда-то наиболее глубокое потрясение, и данные небольшие очерки-воспоминания служат тому подтверждением. В них описаны стрессовые моменты встречи с гитлеровцами в ходе обысков в поисках спрятанных евреев. Эта разновидность мемуаристики выявляет наиболее яркие впечатления и события человеческой жизни, дает больше возможностей для понимания психологии, чем воспоминания, охватывающие довольно значительный период времени, а потому уменьшающие значение отдельных эпизодов и вызываемых ими мыслей и чувств.

Отдельно стоит обратить внимание на воспоминания белорусских татар, которые хранятся в качестве архивных материалов в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ). Это воспоминания татар – участников подпольного движения в годы Великой Отечественной войны. Они характеризуются такими особенностями, как фактологичность, конкретика, отсутствие лирических отступлений. Данные воспоминания могли служить основанием для признания участниками подполья тех или иных лиц, в некоторых случаях они записаны в виде стенограмм совещаний с представителями подпольного движения.

В этом контексте необходимо отметить воспоминания Якова Матвеевича Копопацкого (г.р. 1913), стоявшего у истоков создания патриотической группы на кожевенном заводе «Большевик» в Минске и являвшегося одним из ее активных участников. Его воспоминания хранятся в НАРБ как приложение к архивному делу «Постановление бюро Минского горкома КПБ от

¹³ А. Трафімава (Канапацкая), *Да 50-годдзя Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне*, “Байрам” 1994, № 4, с. 58–60.

¹⁴ Шабанович Абу-Бекир. “В это мгновение мама подумала, что нам, может быть, удастся спастись”, [w:] *Лехаим, татары*; ред. кол.: Р. Амиров [и др.], М. 2009, с. 64–66.

30 января 1985 г. о признании деятельности на минском кожевенном заводе «Большевик» подпольной патриотической группы в 1941–1944 гг.»¹⁵ Вот как он сам вспоминает свою деятельность в минском подполье: «Знакомый с кожевенного завода Гаевский Фаустин познакомил меня со своим сыном Владимиром, который после оккупации Минска устроился на завод в 1-й цех, где работал его отец. Мы договорились с Владимиром Гаевским о совместных действиях против немцев. У нас была возможность выносить с завода выделанные кожи крупного рогатого скота, свиней, коз и прятать их в заранее намеченных местах с целью передать в удобное время партизанам. В начале 1942 года я познакомился со связным партизанского отряда «Дяди Васи» Егоровым Василием Егоровичем, который одно время сам или с женой Юлией Антоновной забирал от меня кожи и увозил на телеге в сторону Бегомля. Со временем кожи стала забирать его жена. Связные от партизан приезжали ко мне на квартиру или к моей сестре Розе, работавшей вместе с мужем Малаковичем Иваном на пункте квашения (плодово-овощной базы № 2 – Г.С.) и помогавшей мне прятать вынесенные с завода кожи. Еще я прятал кожи у тетки моей жены Фатимы, которая жила по улице Ленина. Большинство кож приносил одному старику, который жил возле ТЭЦ-2, фамилию его я не помню. Кое-что из кож относил к сестре на улице Кропоткина и в дом в конце улицы Красноармейской, где жила семья Белан. Выделанные кожи я выносил с завода, обвязавшись вокруг пояса. Иногда удавалось вынести сразу несколько штук.

По совместной работе знаю нескольких человек, которые помогли мне доставать выделанные кожи на самом заводе: Петрович-Тарченко Зинаида Иосифовна и Наркевич Регина Иосифовна, которые носили кожи в определенное место, в частности к заводскому магазину, откуда я их и забирал. Больше всего кож приносили мастер Лямперт, Гаевский Фаустин и его сын Владимир, который был связан с партизанами. <...>

Мне приходилось бывать у партизан отряда «Дяди Васи», где встречался с Егоровым Василием и Волостных Евгением.

В местечке Смиловичи служил в полиции и был связан с партизанами мой двоюродный брат, которого я поставил в известность относительно того, что скоро с другими людьми с завода поеду за солью. Брат передал эту информацию партизанам, которые остановили машину и забрали соль.

¹⁵ Постановление бюро Минского горкома КПБ от 30 января 1985 г. о признании деятельности на минском кожевенном заводе «Большевик» подпольной патриотической группы в 1941–1944 гг. и приложения к нему // НАРБ. Фонд 1346. Оп. 1. Д. 282.

Мой второй двоюродный брат Полторжицкий Джимал Яковлевич был членом 1-й Минской партизанской бригады, с которым я тоже был связан и передавал ему кожи...».¹⁶

Деятельность подпольщиков была раскрыта гитлеровцами. Яков Матвеевич попал в концлагерь во Франции. В конце войны он оказался в американской зоне оккупации и в 1945 году вернулся домой. Жил и работал в Минске. За вклад в победу над общим врагом Я. Конопацкий получил медали «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» 1-й и 2-й степени и др.

Необходимо также обратить внимание на источники личного происхождения минского татарина Хасеня Мустафовича Александровича (1900 г.р.), участника подполья с ноября 1941 г. по ноябрь 1942 г. Он с июня 1942 г. был наборщиком листовок и газеты «Звезда» в оккупированном Минске, участвовал в распространении этих материалов. В НАРБ хранятся его воспоминания о подпольной работе в годы войны в виде стенограмм совещаний и бесед с участниками подпольного движения в г. Минске. В них он подробно повествует о том, как была организована работа по набору газеты «Звезда», кто принимал в этом участие.¹⁷ Эпистолярным источником личного происхождения Х.М.Александровича является его письмо, адресованное в 1958 г. секретарю ЦК КПБ К.Т.Мазурову, в котором он, кроме описания деятельности минских подпольщиков и просьбы ускорить процесс признания минского подполья в годы Великой Отечественной войны, также подвергает критике недостоверные сведения в печати и в заявлениях некоторых лиц о работе подполья в г. Минске.¹⁸

Постановлением бюро Минского ГК КПБ от 26 октября 1983 г. была признана подпольная группа под руководством татарина Ибрагима Алексан-

¹⁶ Постановление бюро Минского горкома КПБ от 30 января 1985 г. о признании деятельности на минском кожевенном заводе «Большевик» подпольной патриотической группы в 1941–1944 гг. и приложения к нему // НАРБ. – Фонд 1346. Оп. 1. Д. 282. л. 59–60.

¹⁷ Копия стенограммы совещания бывших участников коммунистического подполья г. Минска в период немецко-фашистской оккупации, проведенное в декабре 1954 г. – январе 1955 г. в городе Минске, с приложением письменных воспоминаний бывших участников подполья города Минска (сентябрь 1945 г. – 30 октября 1956 г.) // НАРБ. – Фонд 1440. Оп. 3. Д. 830. Л. 230–232.; Стенограмма совещания бывших участников коммунистического подполья г. Минска в период немецко-фашистской оккупации. 1953 г. // НАРБ. – Фонд 750 п. Оп. 1. Д. 307. Л. 1-4.

¹⁸ Письма и заявления быв. участников Минского антифашистского подполья в ЦК КПБ об организации подполья и деятельности против оккупантов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // НАРБ. – Фонд 1346. Оп. 1. Д. 73, Л. 31-39.

дровича Адамовича, действовавшая в г. Минске с сентября 1941 г. по 25 марта 1942 г. В состав группы входила вся семья Адамовичей: Ибрагим Аляксандрович, его сестра Елена, отец Аляксандр Ибрагимович и мать Мария Ивановна. В НАРБ сохранились воспоминания Елены Адамович, написанные ею в феврале 1983 г. о деятельности их семьи в минском подполье. Елена Адамович (по мужу Томах) вспоминает: «По приказанию штаба (в квартире Адамовичей по Пугачовскому переулку, 12 неоднократно собирался штаб подпольной организации – Военный совет партизанского движения (ВСПД – Г.С.) меня устроили в торговый отдел. Я доставала бумагу для листовок, капирку, ленту для печати. Удалось достать неисправную печатную машинку, которую брат починил. На ней мы с мамой и печатали воззвания к полицаям, чтобы они переходили к партизанам, обращения к народу, что гитлеровцы – это наш заклятый враг, и что они никогда не победят. <...> В торговом отделе получали продукты немцы, полицаи. Часто шли разговоры о их планах. Нас они не считали за людей. Так я узнала о готовящихся погромах в гетто. У меня там была подруга Ф.Танхилевич, через которую я предупредила о намерениях фашистов. Доставала продукты для скрывающихся военных у нас».¹⁹

Инициатором многих рискованных дел был И.А. Адамович. Он умел безупречно подделывать печати оккупационных учреждений и подписи начальников на паспортах, пропусках и других документах.

Мать, Мария Ивановна Адамович, хорошо знала иностранные языки: немецкий, литовский, французский, польский. Она использовала свои знания на пользу подполья. Каждый раз, находя новую причину, она доставала медицинские документы у немцев. Слушая их разговоры, Мария Ивановна узнавала о их планах, добывала полезную информацию. Елена Адамович вспоминает следующий случай: «Однажды наш район окружили немцы и начали производить повальные обыски. Кругом стояли литовцы (полицейские 12-го литовского полицейского батальона – С.Г.) и смотрели, чтобы никто не вышел из района оцепления. У нас находился человек, которому брат должен был сделать документы. Дома были я, брат, мама и бабушка. Надо было уходить. Мама вышла с нами и на литовском языке заговорила с литовцами. Они нас пропустили. Так мы спаслись, благодаря маме».²⁰

¹⁹ Постановление бюро Минского ГК КПБ от 26 октября 1983 г. о признании подпольной группы, рук. И.А. Адамович, действовавшей в г. Минске в 1941–1942 гг. и приложения к нему // НАРБ. – Фонд 1346. Оп. 1. Д. 270, Л. 35.

²⁰ НАРБ. – Фонд 1346. Оп. 1. Д. 270, Л. 37.

Отец Ибрагима и Елены, Александр Ибрагимович Адамович, начал работать на фабрике-кухне, где во время войны располагалась столовая БНС. Благодаря ему на фабрике-кухне какое-то время работал И.Н.Белов (начальник штаба ВСПД), И.И. Рогов (председатель ВСПД, член ГК КП(б)Б).

Однако деятельность подполья была разоблачена гитлеровцами. 25 марта 1942 г. лидер группы Ибрагим Адамович был арестован в штабе по адресу Берсана, 3 (за день до запланированного ухода в партизанский отряд). Остальных членов семьи также забрало гестапо в их квартире на Пугачевском переулке, 12. Об этих трагических событиях Алена Адамович написала в своих воспоминаниях в 1983 году: «Поздно вечером к нам в квартиру ворвались гестаповцы и выгнали всех во двор. Начали обыск. Только не тронули бабушку, которая успела сесть на бланки, паспорта, приказы, хранившиеся у нее под матрасом. <...> Нас привезли в гестапо, где мы увидели брата и много других людей, среди которых были и подпольщики. Нас поставили лицом к стене. <...> Нас допрашивали, не имея улик. Маму с папой отпустили, а меня, брата, мужа и других незнакомых людей повели в тюрьму на ул. Володарского. После допросов через несколько дней меня и мужа отпустили. В управе на выдаче пропусков сидели друг Сева Авхименя и мой знакомый Александр Магилёвчик. Они срочно выписали нам поддельные пропуска, и мы с мужем выехали в г. Новогрудок, на родину отца. Мать и отец ушли на другую квартиру и стали искать возможность узнать что-нибудь о брате. Им удалось через подпольщиков наладить с ним переписку. <...> В последнем письме брат написал, что его судьба предрешена, о нем в гестапо все известно, и что о нем в гестапо все рассказал Рогов. Что он предатель, чтобы мы его остерегались...».²¹

Необходимо отметить, что письма Ибрагима Адамовича (7 штук), написанные им из тюрьмы в апреле 1942 г., были сохранены и переданы Еленой Адамович в январе 1983 г. в архив. Данные эпистолярные источники личного происхождения также значительно дополняют имеющиеся сведения о минском подполье в годы войны, в том числе о деятельности отдельных его участников.²²

²¹ НАРБ. – Фонд 1346. Оп. 1. Д. 270, Л.38–39.

²² Письма Адамовича И.А. (кличка «Боб») – участника Минского антифашистского подполья из Минской тюрьмы в апреле 1942 г. (подлинники) и копия. Справка эксперта криминального отдела МВД БССР от 24 февраля 1983 г. об итогах расшифровки отдельных слов и предложений в связи с затуханием текста писем (л.8) // НАРБ. – Фонд 1346. Оп. 1. Д. 13.

В личном архиве дочери ивьевского татарина Халиля Ивановича Щуцкого (1912 г.р.), мобилизованного в Красную Армию в июле 1944 г., сохранилась поздравительная открытка ее отца с фронта, адресованная ее матери, жене Халиля Ивановича Щуцкого, Марии. Данный источник личного происхождения имеет следующее содержание: “Любимая моя жена, Мария. Я нахожусь в далеке от дома. Поздравляю тебя, любимая жена Мария, с 1945 годом. Дай Бог здоровья, счастья и всего наилучшего. Навсегда твой муж Щуцкий Халиль”.²³ Х.И. Щуцкий дошел до Берлина. Был демобилизован в октябре 1945 г.²⁴ Вернулся домой.

Отдельно стоит выделить в рамках документов личного происхождения белорусских татар устные исторические источники. К ним относятся записи бесед с представителями татарского населения – свидетелями и участниками военных событий, а также с теми, кому информация была передана ими ранее (их детьми, внуками и т.п.). Так, в ходе данных бесед стало возможным получить некоторую информацию о периоде гитлеровской оккупации. Из разговора с дочерью выше упомянутого ивьевского татарина фронтовика Халиля Ивановича Щуцкого, стало известно, что он попал в плен, некоторое время был в лагере. Однако при перевозке военнопленных в другой лагерь сумел сбежать из вагона. Добрался домой в октябре 1944 г., откуда по своей инициативе снова был направлен на фронт. (Информация получена в результате беседы с дочерью Х.И. Щуцкого 17.06.2009 г.) Узденский татарин Магамет Сулейманович Якубовский (1928 г.р.) 24.06.2009 г. поведал, что мечеть в Узде во время войны восстановлена не была, однако оккупационные власти не препятствовали татарам молиться в своих домах, что члены узденской татарской общины активно и делали. Что касается вывоза на принудительные работы в Германию татарского населения, то новогрудская татарка Мария Яковлевна Полторжицкая (па мужу Масловская) (1923 г.р.) в беседе 8.06.2009 г. рассказала, что когда они узнавали, что гитлеровцы набирают молодых людей для работы в Германию, мать прятала ее в штафу, закрывала дом и уходила работать в поле. А вот ивьевского татарина Якуба Мустафовича Радлинского (1925 г.р.) гитлеровцы забрали, чтобы увезти на принудительные работы, но во время поездки ему удалось сбежать под Лидой и вернуться домой. (Из беседы с братом Якуба Бекиром Мустафовичем Радлинским) (1927 г.р.) 17.06.2009 г.) Невозможно в данном контексте

²³ Текст в источнике написан на польском языке. Перевод на русский язык С.В. Грибовой.

²⁴ Личный архив родных Х. И. Щуцкого. – Военный билет Х. И. Щуцкого, серия Б, № 632845.

не актуализировать разговор с внучкой Мустафы Яковлевича Щенсновича (1924 г.р.) Жанной Яхьяновной Радкевич, состоявшийся 30.07.2017 г., которая поведала об испытаниях во время оккупационного режима, пережитых ее дедом. Мустафа Яковлевич Щенснович проживал в д. Делятичи около Новогрудка, откуда его в августе 1943 г. гитлеровцы забрали, чтобы направить в Германию на принудительные работы. Ему пришлось работать в условиях не совместимых с жизнью в районе Волховстроя. В начале 1944 г. тех, кто сумел выжить, погнали через концлагерь в Пскове и Литву в Латвию, откуда осенью 1944 г. М.Я. Щенсновичу во время бомбардировки удалось сбежать. Он был задержан красноармейцами в Литве, затем в Латвии, где пробыл в тюрьме до 20 декабря 1945 года. Здесь доктор, понимая, что состояние здоровья М.Я. Щенсновича критическое, написал письмо его матери. Она привезла документы и забрала сына, выходила его. Так, в конце декабря 1945 г. М.Я. Щенснович оказался в Ивье.

Об интересном эпизоде времен Великой Отечественной войны рассказал татарин Д. Гембицкий, житель д. Крушиняны (современная территория Республики Польша). По его воспоминаниям, вначале функции старосты местечка выполнял поляк, но вскоре гитлеровцы сменили его на татарина, поскольку оккупационные власти татарам доверяли больше. (Разговор состоялся 18 декабря 2008 года.)

Также источником личного происхождения белорусских татар о периоде Великой Отечественной войны является видеозапись разговора (16 августа 2008 г.) с мулой Новогрудской мечети Алием Амуратовичем Шагидевичем (1923 г.р.), где он рассказывает о борьбе с врагом на фронтах войны, так как был мобилизован в армию в 1944 г., а также об особенностях оккупационного режима, отмечая, что в годы войны мечеть в Новогрудке продолжала действовать, а вот школы по изучению Корана не было, но тем не менее детей обучали основам религии дома. Это было возможным, благодаря тому, что в межвоенный период религиозному обучению в Западной Беларуси (в составе II Речи Посполитой) уделялось большое внимание.

Таким образом, для источников личного происхождения характерны такие свойства, как ретроспективность, подчеркивающая их связь с прошлым; документальность, связанная с отражением в них фактических событий, свидетельств об этих событиях, так или иначе это документы, сообщающие о прошлом; субъективность, которая является необходимым, а порой и единственным их свойством, позволяющим успешно заниматься разработкой тем, связанных с воссозданием атмосферы исторической эпохи, ее психологического фона, менталитета больших и малых социальных групп. Именно эти

источники позволяют приоткрыть внутренний мир своих создателей, сделать изучение событий прошлого живым, эмоциональным.

Надо отметить, что источники личного происхождения можно поделить на те, которые созданы в ходе описываемых в них событий, и те, которые созданы на основании памяти об этих событиях, что безусловно стоит учитывать при работе с ними.

Как утверждает американский историк Аллан Меггил, историческая память сама по себе может стать объектом историографического внимания. Это значит, что историк может сосредотачиваться не на внешних событиях прошлого и не на опыте их участников, а на том, какими способами люди позже вспоминали свой пережитый опыт, поэтому, конечно, именно *сами по себе* зафиксированные воспоминания и будут рассматриваться в качестве свидетельства. Понятно, что способ запоминания людьми прошлого также является легитимным объектом исторического исследования, и это такой же отдельный вопрос, как и то, являются ли их воспоминания точным воспроизведением прошлого, которое, по их утверждению, они запомнили.²⁵

В целом, можно констатировать, что источники личного происхождения являются очень важным и ценным средством познания исторических событий и явлений. Расширение привлечения источников личного происхождения в исторические исследования и использование их в совокупности с другими источниками повысит познавательную значимость изучаемой проблемы.

Abstract

The second World War in the sources of the persona. Origin of the belarusia Tatars

Keywords: Belarusian Tatars, sources of personal origin, memoirs, World War II, memoirs, "oralhistory"

In this article the author describes the reflection of the Second World War in the sources of the personal origin of the Belarusian Tatars. The author notes that they represent various aspects of wartime. Some of these sources have survived in the form of unpublished archival materials, some have been published in thematic

²⁵ А. Меггил, *Историческая эпистемология : научная монография*, М. 2007, с. 115.

Светлана Грибова

popular science publications in the form of small essays. Memories of the Belarussian Tatars are presented as military memoirs, literary and artistic works. The author preserved the memories of Tatars which were recorded during an interview with them using the “oral history” method.